

В. Н. Уйманов

КАРАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ ПРОТИВ БЫВШИХ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1933 ГОДУ

Статья посвящена анализу материалов уголовного дела по раскрытию в 1933 г. Полномочным Представительством ОГПУ по Западно-Сибирскому краю одного из крупнейших в СССР дел – так называемой контрреволюционной организации «Белогвардейский заговор». Результаты анализа документов позволили сделать однозначный вывод о фальсификации сотрудниками ОГПУ этого дела от его создания до реализации.

Ключевые слова: политические репрессии, «Белогвардейский заговор», Западная Сибирь.

В 1933 г. в Западной Сибири была вскрыта контрреволюционная организация, насчитывавшая в своих рядах несколько сот бывших белых офицеров и получившая название «Белогвардейский заговор». Автор обращался к этой теме в период работы над первым томом Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская» [1, с. 61] и монографией «Репрессии. Как это было...» [2, с. 173–186]. К теме «заговора» также обращались: С. Папков («Сталинский террор в Сибири» (1997)) [3]; «Белогвардейский заговор» в Западно-Сибирском крае в начале 1930-х гг. («Дело генерала Болдырева») – 2005 г. [4]; С. Красильников («„Белогвардейский заговор“ 1933 г. в Западной Сибири по материалам архивно-следственного дела» (2005)) [5]; А. Тепляков («Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг.» (2008)) [6]. При констатации факта фальсификации дела органами ОГПУ Западной Сибири названные работы затрагивали лишь отдельные аспекты данного дела. В настоящей работе предпринята попытка анализа материалов дела в целях более полного раскрытия механизма фальсификации дел сотрудниками органов ОГПУ.

Сталинский тезис (1929) об обострении классово-вой борьбы с конца 1920-х гг. привел к активизации деятельности органов ОГПУ в Центре и на местах по выявлению всевозможных «врагов». В стране повсеместно были «вскрыты» и стали ликвидироваться сотни контрреволюционных группировок и организаций, ставивших перед собой цель свержения советской власти. Создание «заговора» в Западной Сибири в 1933 г. явилось очередным звеном в этой цепи, чему в немалой степени способствовала очередная установка «вождя народов» И. Сталина, который на январском (1933) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявил, что «бывшие люди» по-прежнему представляют опасность. Потерпев поражение, бывшие частные промышленники и торговцы, дворяне и попы, кулаки и подкулачники, белые офицеры и урядники, полицейские и жандармы, буржуазные интеллигенты готовят скрытые атаки против советской власти путем саботажа, вредительства и хищений [7,

с. 206–212]. Этим заявлением он практически дал очередной сигнал к поиску «белогвардейских элементов». В Западной Сибири самым простым оказалась фальсификация дела на бывших белых офицеров, тем более что учеты в органах ОГПУ были отлажены, а кандидатов на роль «лидеров» и «вождей» контрреволюционной организации было предостаточно. Следует учитывать, что бывшие офицеры часто поддерживали отношения между собой по принципу сослуживцев-однополчан, а такие неформальные контакты особо отслеживались чекистскими органами, к чему их обязывали многочисленные инструкции и приказы. Деятельность этих «кружков по интересам» контролировалась многочисленной агентурой, завербованной из их же рядов.

Вне всякого сомнения, изменение социального статуса бывших офицеров, утрата ими привилегированного положения в обществе, перенесенные унижения в первые годы советской власти, подконтрольность в обществе, ограничения и сложное материальное положение не могли не приводить к разговорам и дискуссиям о ситуации в стране, сетованиям о своей незавидной участи, обвинении в своих бедах большевиков и советской власти. Все это могло однозначно рассматриваться в качестве антисоветской агитации и организационной деятельности с напрашивавшимся выводом о желании свергнуть советскую власть и реставрировать старые порядки. Умелый подбор оперативных сводок, аналитических и иных справок позволял легко создавать организации с контрреволюционными целями и планами.

Такой организацией и стал «Белогвардейский заговор», который стараниями сотрудников Полномочного Представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю (ЗСК) разросся в «спрута» с многочисленными филиалами, боевыми и отраслевыми ячейками, разбросанными по всей территории Западной Сибири, с выходами на Урал, Дальний Восток и Восточно-Сибирский край. Зарождение организации, согласно материалам следствия, относилось к 1926 г. В своем развитии организация, по мнению основных фигурантов дела, прошла три

этапа своего становления и развития. Первый этап относился к 1926–1928 гг., когда еще были надежды на перерождение советской системы (сказывался НЭП и его результаты) и шла консолидация сил. Второй – 1928–1929 гг. – характеризовался сплочением и организационным оформлением организации, конкретной вредительской деятельностью в разных областях народного хозяйства. С 1931 г. – начало третьего этапа – велась конкретная работа по подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти. Восстание планировалось приурочить к началу интервенции Японии против СССР [8, л. 193–199].

Из следственных материалов было ясно, что деятельность организации возглавлялась краевым руководящим центром в Новосибирске. О политическом руководителе и идейном вдохновителе, бывшем Верховном Главнокомандующем войсками Уфимской директории генерал-лейтенанте В. Г. Болдыреве подробно рассказал С. А. Папков [4, с. 379–383]. В состав центра вошли проживавшие в Новосибирске Х. Е. Бутенко – коммерческий директор Лесоснабсбыта, бывший полковник, Н. П. Шавров – профессор и заведующий кафедрой Института потребительской кооперации и одновременно дирек-

тор Химико-фармацевтического института, бывший бригадный врач, Г. А. Краснов – заведующий сектором крайплана, бывший товарищ министра финансов правительства Колчака и управляющий ведомством Госконтроля при этом правительстве, Г. И. Черемных – преподаватель и сотрудник редакции Сибирской советской энциклопедии, бывший видный земский работник, И. А. Лаксберг – ученый-лесовод организации «Сиблесхим», бывший капитан колчаковской армии [8, л. 190–191].

Основными руководителями повстанческой и диверсионной деятельности являлись 14 бывших, преимущественно старших, офицеров и бывший министр туземных дел Временного Сибирского правительства, неоднократно арестовывавшийся в годы советской власти, директор краеведческого музея в Томске М. Б. Шатилов [9, с. 61–69].

Организация объединяла десять контрреволюционных объединений Алтайя, Новосибирска, Томска, Омска и других населенных пунктов Западной и части Восточной Сибири. Влияние организации было распространено на 194 населенных пункта в 44 районах края. Следствие установило 238 боевых ячеек организации и 2 114 участников (по материалам дела прошли 2 096 чел.) (см. рис. 1).

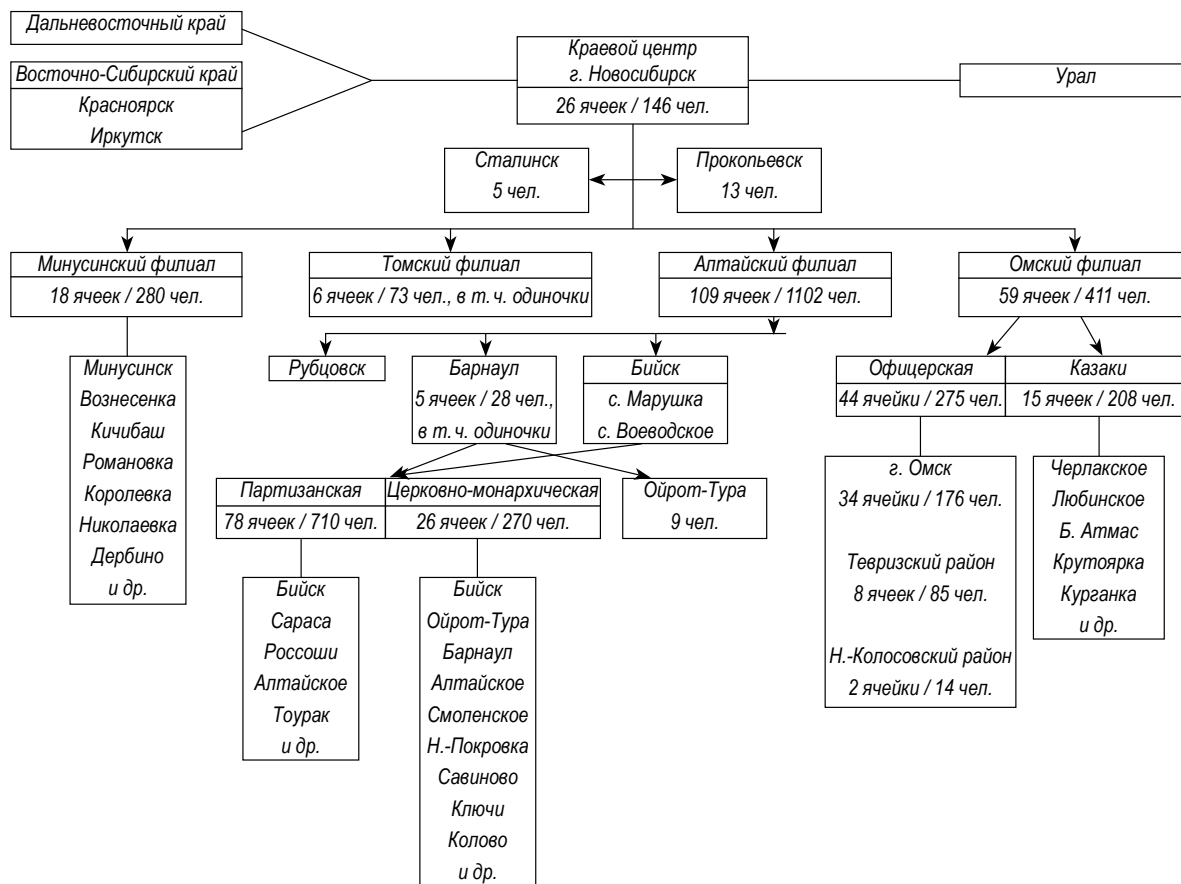

Рис. 1. Структура так называемой контрреволюционной организации «Белогвардейский заговор».

Источник: схема составлена автором на основе архивно-следственных дел П-3441, П-3521

Обвинительное заключение по делу насчитывало 228 страниц и было предъявлено 225 лицам, преимущественно руководящему составу организации разного уровня. Подписали его заместитель начальника Особого отдела ПП ОГПУ по ЗСК Роллер и начальник СПО ПП ОГПУ Ильин. Ниже их подписей даны две справки. В первой сообщалось, что «по данному делу было арестовано 1 759 человек. Представляется на рассмотрение Коллегии 225 активных участников краевой к-р белогвардейской повстанческой организации. Осуждено уже Коллегией ОГПУ и Тройкой ПП ОГПУ по ЗСК (образована в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 4 апреля 1933 г. „О предоставлении права рассмотрения дел по повстанчеству в Западной Сибири, тройке“ ПП ОГПУ по ЗСК» [10, с. 426]) 1 057 чел., из них: к ВМН – 219, к 10 годам лагеря – 92 (правильно 295. – В. У.), к 5 годам – 250, к 3 годам – 72, минус двенадцать – 92, условно – 64, ссылка – 14, прочие (освобождение) – 51. Дела на остальных арестованных в числе 477 чел. по данному делу рассматриваются Тройкой ПП ОГПУ по ЗСК» [8, л. 413].

Во второй записке отмечалось, что материалы в отношении лиц, упоминаемых в обвинительном заключении и не привлеченных по данному делу, выделены в особое производство [8, л. 413].

Авторы обвинительного заключения, излагая аргументы, доводы и выдержки из показаний обвиняемых, убеждали в наличии целостного в построении организации, т.е. существовании белогвардейской линии с группой антисоветски настроенной интеллигенции (бывшие офицеры, чиновники и участники антибольшевистского движения), партизанской (бывшие красные партизаны, недовольные политикой коллективизации и раскулачивания) и церковно-монархической (священнослужители). Однако такое построение было характерным только для Алтайского филиала организации, но какого-либо контакта и взаимодействия между этими линиями практически не было. Более того, офицерское крыло боялось прямых контактов с бывшими партизанами и действовало через посредников. Все остальные филиалы имели свои особенности. Так, Новосибирский преимущественно опирался на бывших офицеров, проживавших в городе, Омский – объединял 59 контрреволюционных ячеек в 26 населенных пунктах ряда районов округа и Омска с числом участников 411 чел. По другим данным, их было 483 [8, л. 349, 367], омский исследователь П. Брычков выводит цифру 408 чел. [11, с. 32].

На основании фактов и аргументов именно Алтайский филиал должен был сыграть важнейшую роль в «заговоре», так как, во-первых, – это самая массовая и организованная часть заговорщиков.

Во-вторых, три «ветви заговора» – прямое подтверждение наличия недовольства широких слоев населения и действительно мощной социальной базы для возможного выступления против советской власти. В-третьих, партизанская «ветвь» имела наибольшую ценность для организаторов восстания, так как это были непосредственные представители народа, имевшие большой авторитет и прекрасно владевшие навыками боевых действиях, что с учетом хорошего знания местных условий возможного театра военных действий, несомненно, имело важное значение. В-четвертых, по структуре организации именно на Алтае существовали отработанные организационные связи между крупными населенными пунктами и соседними субъектами, например с Ойротией. Однако более глубокий анализ позволяет сделать вывод, что объединение бывших офицеров с красными партизанами можно отнести только к оперативному мастерству сотрудников и следователей ПП ОГПУ. Показания членов организации однозначно говорили о желательности, но невозможности такого союза.

Далее следователи констатировали, что филиал начал работу по объединению офицеров и партизан еще в феврале 1931 г., т.е. задолго до получения установок из Новосибирска. Но боязнь прямых выходов на партизан заставила искать обходные пути. Руководящий центр, учитывая непопулярность среди бывших партизан белоофицерства и враждебное отношение партизан к последним, привлек для этого местных социалистов-революционеров [8, л. 154–155]. Практическая деятельность эсеров среди партизан выразилась в создании двух повстанческих ячеек в селах Марушка и Воеводское Бийского района с численностью 11 человек. Приведение в деле подобных аргументов следует оценивать как провал следователей, так как возникает резонный вопрос, если партизан были сотни, то что из себя представляли эти 11 и как эсеры справились с ролью посредников между «белыми» и «красными», пусть и бывшими.

Что касается церковно-монархической организации, то установлению контактов между нею и офицерской организацией в обвинительном заключении отведено пять страниц показаний и комментариев к ним, а непосредственно организации – только 11 строк, в которых шло перечисление руководящего ядра организации и привлеченного актива священнослужителей в других районах Алтая.

Всего по церковно-монархической линии было создано 26 повстанческих ячеек с количеством участников в 270 чел. (арестовано 218 чел. – В. У.) [8, л. 148–149, 348].

Партизанская часть в обвинительном заключении была представлена на одной странице двумя

выдержками из показаний-признаний ее руководителей о подготовке восстания, вербовке новых участников и разжигании у населения недовольства против советской власти. При этом отмечалось, что бывшие партизаны в количестве 710 чел. были объединены в 78 ячеек. Но ни о какой практической контрреволюционной деятельности, как впрочем и у церковников, не было ни одного упоминания.

Если верить материалам следствия, три ветви Алтайского филиала – белогвардейская, партизанская и церковно-монархическая – насчитывали 109 ячеек (5, 78 и 26 соответственно) и 1 102 участника (122, 710 и 270 соответственно), хотя по материалам дела упоминался еще ряд групп [8, л. 326–327]. Небезынтересен и тот факт, что центр всего Алтайского филиала находился в небольшом городке Бийске.

Из числа других аргументов интерес могли представлять следующие:

1. В штаб организации не вошли представители ни партизан (от 710 чел.), ни церковников (от 270 чел.), что уже заставляет задуматься об их роли в «заговоре», так как ни те, ни другие не похожи на людей, которыми можно легко манипулировать.

2. В обвинительном заключении подробно рассматриваются организации в Бийске и Барнауле, но только через 30 страниц простой констатацией факта определено руководство всем Алтайским филиалом членами Бийской организации.

3. Если штаб церковно-монархической организации состоял из служителей церкви, что было естественным, то партизанская организация возглавлялась тремя партизанами, одним бандитом и одним кулаком, пусть оба последних и были выходцами из партизан [8, л. 163].

По Алтайскому филиалу было арестовано: кулаков – 108 чел., зажиточных – 139, середняков – 238, бедняков – 32, кустарей – 18, рабочих – 9, колхозников – 77, служащих – 168, прочих – 69, неустановленных – 79 (937 чел. – В. У.). Из них бывших партизан – 280, бывших бандитов (участники антисоветских вооруженных восстаний) – 39, бывших офицеров – 76, попов – 46, церковников – 51, бывших карателей – 7, родственников кулаков – 59, бывших членов ВКП(б) – 30 (588 чел. – В. У.) [10, с. 10].

Томский филиал состоял из 6 ячеек и нескольких одиночек. Число участников по обвинительному заключению не указано. Было арестовано 27 чел., в том числе 21 бывший офицер, 3 бывших белых добровольца, 1 перебежчик и двое прочих. По материалам другого уголовного дела в Томском филиале было арестовано 28 чел. В целом же число участников филиала определялось почти в 100 чел., «ранее служивших в армиях Колчака и Пепеля-

ева», но никто из них по делу допрошен не был [13, л. 539].

Минусинский филиал охватывал территорию 8 районов с 33 населенными пунктами бывшего Минусинского округа и Хакасской области. Были арестованы 205 участников организации, в составе которой было 8 офицеров, карателей и урядников, 4 священника и 193 чел., отнесенных к прочим («кулаки, зажиточные, торговцы, середняки, бедняки, служащие и прочие») [8, л. 379–380]. Хотя на л. 203 обвинительного заключения речь велась о 280 участниках, объединенных в 18 ячеек.

Отличались и программные установки филиалов. Белогвардейская часть ратовала за свержение советской власти и установление буржуазно-демократической республики, предполагая на переходном этапе установление военной диктатуры. Генерал Болдырев показывал: «Учитывая пятнадцатилетнее существование Советов, как органов власти в России, и высокую политическую активность населения, обычный западно-европейский тип буржуазно-демократической республики... не удовлетворял бы страну. Мы считали возможным оставить Советы, как форму власти, но решительным образом расширить круг избирателей в Советы. Восстановить в правах те слои населения, которые при большевиках были лишены избирательных прав. Коммунистическую партию ликвидировать и закрыть доступ коммунистам в Советы. Это... не означало поголовного истребления коммунистов. Мы были уверены, что некоторые здравомыслящие коммунисты, убедившись в утопичности идеи коммунистической партии, могли быть нами использованы и даже легализованы» [8, л. 43].

Другой участник организации – Г. А. Краснов – необходимость сохранения Советов аргументировал следующим образом: «В случае свержения Советской власти и закрепления этого положения центр считал необходимым установление буржуазно-демократической республики, причем формой власти должны являться Советы, которые за 15 лет существования Соввласти прочно вошли в сознание населения и достаточно крепко привились, как наиболее удачная форма государственного управления» [8, л. 43].

Такая позиция была вызвана пониманием того, что в случае резкого изменения государственного устройства их ждут большие и серьезные проблемы и трудности. Поэтому легче приспособиться и переориентировать под свои цели и задачи уже действующие институты власти и отдельных их представителей. Необходимость в этом объяснялась тем, что организация планировала национализировать землю и сдавать ее сельским обществам и частным лицам в аренду. Крупная государ-

ственная промышленность должна была остаться в руках государства, средняя и мелкая денационализировались. Железнодорожный и водный транспорт оставался в руках государства, но допускалось наличие частного водного транспорта. Монополия на внешнюю торговлю заменялась обычной таможенной политикой. Частная торговля в стране могла развиваться без каких-либо ограничений. В области сельского хозяйства существовавшие колхозы ликвидировались, но могли создаваться новые коллективные хозяйства, равные по отношению к другим формам ведения хозяйства. Из совхозов сохранялись наиболее рентабельные.

Политические установки нашли выражение в выдвигаемых политических лозунгах: «За чистую Советскую власть без колхозов, коммун и коммунистов», «За вольную жизнь», «Долой компартию, да здравствуют Советы без коммунистов», «За отмену всех налогов с крестьян, за вольную жизнь», «За нормальные денежные налоги», «За единоличное хозяйство» и др.

На период войны в целях быстрее развертывания восстания центром были выработаны лозунги, с помощью которых предполагалось мобилизовать массы на борьбу с советской властью. Основными из них были: «Долой коммунистов, долой колхозы, долой заготовки», «Да здравствует Советская власть без коммунистов», «Долой войну, долой коммунистов – главных врагов народа», «Главный враг не Япония – главный враг коммунисты, бей коммунистов», «Да здравствует крестьянская воля» и др. [8, л. 233, 243].

Однако что касается Алтайского филиала, то, несмотря на самую высокую организованность и массовость, во всем обвинительном заключении речь у всех «ветвей» филиала велась только о вооруженном восстании и вооруженной борьбе с советской властью. Очень сомнительно, что такие разноплановые «ветви» были единодушными в своих планах, но если допустить, что всех их объединяла действительно одна цель – свержение советской власти, то вряд ли дальнейшие их пути после достижения цели были едиными. Между тем, например, организация Прииртышского казачества и Омский филиал стояли за восстановление монархии и атаманщины, за сохранение привилегий, которыми пользовалось казачество.

Наиболее подробно была изложена программа Томского филиала. М. Б. Шатилов на допросе 26 апреля 1933 г. изложил ее по пунктам и системно, затронув все основные сферы существовавшего государственного устройства, показал роль и место крестьянства и рабочего класса в новых условиях. Отдельно он выделил позицию по отношению к политическим ссыльным, политзаключенным и кулачеству, которые должны были быть немедленно

освобождены и возвращены к прежним местам поселения «при известной помощи государства». Особенности деятельности томской организации и ее программные установки, по словам Шатилова, обуславливались ее составом, который по своим политическим направлениям являлся скорее народническим, стоявшим на платформе областничества [8, л. 223, 22–25].

Практическая контрреволюционная деятельность организации в материалах следствия представлена шпионажем, диверсионной, вредительской и антисоветской деятельностью, террором и т. п. По каждому из них в обвинительном заключении представлено много свидетельств и фактов, но таковыми их признать трудно.

Так, сотрудники ПП ОГПУ по ЗСК доказали наличие связей с японским и германским консульствами. С японцами, например, контакты участниками «заговора» были установлены еще в самом начале 1920-х гг. В показаниях обвиняемых много свидетельств о встречах с сотрудниками этих консульств и якобы получении от последних шпионских заданий. Тем не менее не зафиксировано ни одно факта передачи собранных сведений, их разведывательная направленность и разведченность.

Диверсионная деятельность по материалам дела просматривалась на уровне планов на будущее, что подтверждали многие участники. Практическая же сторона была представлена изысканием средств (взрывчатки) для взрыва небольших мостов, но никакой взрывчатки при арестах изъято не было. Интересно, что помощь в приобретении взрывчатки оказал некто Г. П. Молгачёв, руководитель действовавшей на территории Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока контрреволюционной организации, который даже дал 10 тысяч рублей для приобретения 10 пудов динамита. Но что интересно, сотрудниками ПП ОГПУ эта информация никак не была использована в ходе следствия, а Молгачёв больше нигде не упоминался.

Наиболее успешной была вредительская деятельность. Но факты вредительства преподносились без пояснений, простым упоминанием актов многочисленных проверок и ревизий, которые подтверждали какие-либо убытки и потери, но ни в коей мере не свидетельствовали о чьей-то умышленной подрывной деятельности. С другой стороны, вся вредительская работа оказалась почему-то преимущественно сосредоточенной в пределах действия Омского филиала. Так, например, только на территории Черлакского района было расхищено, вредительски забито и пало колхозного скота 2247 голов, в том числе лошадей – 492 головы, коров – 200, телят – 717, овец – 821, свиней – 107. Остались неубранными урожаи разных культур – 322 га,

расхищено 343 ц пшеницы и картофеля и 218 ц сена. Общий убыток, принесенный вредительской деятельностью контрреволюционной организации колхозам Черлакского района, выражался в сумме 145 021 руб. в твердых государственных ценах, по Тевризскому – 171 732 руб. На Алтае, только в Алтайском и Солонешенском районах, было расхищено 465 лошадей, 139 коров, 755 голов мелкого рогатого скота, хлеба почти 34 т и т. п. Убытки составили почти 200 тыс. рублей [8, л. 304–305].

Вредили всюду, где были для этого условия и возможности. Так, по линии редакции Сибирской советской энциклопедии – через продвижение идеологически вредных материалов. Причиняли вред в каменноугольной и коксобензольной промышленности, в области энергетики, капитального строительства, машиностроения, Радиострое и даже в области музеев, но почти всюду через простое упоминание или перечисление фактов. А в Крайсоюзпечати и горбюро Союзпечати г. Новосибирска вредили воровством казенных денег, но и это шло в актив деятельности организации.

Таким образом, под вредительство списывали все недочеты в работе организаций и учреждений, все факты нарушения производственной и финансовой дисциплины. «Заговор» оказался находкой как для ПП ОГПУ по ЗСК, так и для партийно-советских органов края, ведь на его подрывную контрреволюционную деятельность были списаны многочисленные провалы хозяйственной деятельности в крае и на местах. Дело позволило оправдать все огрехи и просчеты, уйти от реальной ответственности за случившееся многим руководителям на местах и в краевых органах. Кроме того, в обвинительном заключении имеется несколько справок-отсылок, согласно которым вскрытые в ходе расследования «Белогвардейского загово-

ра» многочисленные факты контрреволюционной работы в лесной промышленности (30 контрреволюционных организаций в 12 леспромхозах. – В. У), так как речь велась не о филиалах и ячейках одной-двух организаций, а тридцати, т. е. в одном леспромхозе было 2–3 контрреволюционных организации одновременно), в системе банковского дела, по вопросам вредительства в энергетике, по каменноугольной промышленности и целому ряду других были выделены в отдельные производства экономическим отделом ПП ОГПУ по ЗСК. А по контрреволюционной организации в сельхозорганах края ЭКО были арестованы 2 087 чел. [12, с. 8–9]. В этом деле также много нестыковок данных по арестованным и осужденным.

Для большинства подрывных антисоветских организаций террор являлся одной из первоочередных задач, так как преследовал цель не просто физического уничтожения отдельных руководителей, а дестабилизацию всей системы управления путем нарушения установившихся связей. В данном деле вся террористическая деятельность свелась к единственному упоминанию о необходимости физического устранения Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинского [8, л. 124].

Согласно приговору, без учета 225 руководителей всех звеньев краевой организации, Коллегией ОГПУ и «тройкой» ПП ОГПУ по ЗСК были осуждены 1 057 чел., как это было указано выше. Простое сложение этих данных дает недостачу в 203 чел. Подсчет же по вынесенным приговорам еще более запутывает ситуацию. Без учета новосибирских ячеек (146 чел.) и ячеек Сталинска (5 чел.), Прокопьевска (13 чел.) и Ойрот-Туры (9 чел.) число осужденных составило 1 616 чел., а с учетом этих организаций – 1 789 чел., т. е. на тридцать больше, чем общее число арестованных (см. табл.).

Приговоры, вынесенные в Сибири в 1933 г. по делу «Белогвардейского заговора»

Мера наказания	Филиалы				По справке в обвинительном заключении	Дело 225 чел.	Всего чел./%
	Алтай	Омск	Томск	Минусинск			
ВМН	177	–	–	42	219	28	247/15,3
10 лет к/л	219	124	11	76	92	130*	560/34,6
5 лет к/л	196	146	14	54	250	38	448/27,7
3 года к/л	71	–	–	1	72	23	95/5,9
Минус 12	81	8	–	11	92	–	100/6,2
Условно	61	11	2	3	64	–	77/4,8
Ссылка	10	7	1	4	14	3	25/1,5
Прочие меры	37	–	–	24	51	3	54/3,3
Всего	852**	296***	28	215	1 057	225	1 616

Примечание. * С учетом 53 чел., которым ВМН расстрел был заменен на 10 лет ИТЛ.

** Согласно подсчетам по картотеке отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края, из 1 102 чел., привлеченных к уголовной ответственности, были осуждены 748, в том числе к ВМН 130 чел., 10 годам лишения свободы 199, 5 – 216, 3 – 114, высылке – 19, лишению свободы на срок предварительного заключения – 23, лишению права проживания в некоторых местностях СССР – 47 (см.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2. С. 10).

*** В деле № П-3521 (л. 468) названа цифра 256 человек. П. Брычков назвал число осужденных – 288 чел., но при этом привел расшифровку этого числа на 296 чел. (см.: Забвению не подлежит... С. 43) (полагаю цифру 296 достоверной).

Источник: Подсчитано автором по материалам уголовных дел и публикациям в Книгах Памяти жертв политических репрессий Алтайского края, Новосибирской и Омской областей.

Таким образом, $\frac{2}{3}$ осужденных – 1103 чел. (68,2%) – были осуждены к лишению свободы в концлагерях, где часть из них позднее получила новые сроки (в деле имеются отметки о повторном осуждении части осужденных во время нахождения в ИТЛ в 1937 г. – В. У). Были освобождены 51 чел., что с учетом осужденных к условным срокам наказания составило 128 чел. (7,92%).

Что касается изъятого оружия, то следует отметить необстоятельность и безответственность следователей, ведших дело, ими не были до конца выяснены вопросы вооружения заговорщиков. Так, сведения об изъятом оружии были указаны только по Омскому и Минусинскому филиалам организации: 24 и 7 винтовок, 2 и 7 револьверов различных систем, 55 и 103 гладкоствольных ружья. В Томске было изъято 8 единиц оружия, без уточнения какого [8, л. 184, 190, 195]. Таким образом, по подсчетам автора, на Новосибирск, как головную организацию, и на Алтай (самый многочисленный филиал) пришлось 341 единица оружия. Метод вычитания от данных, названных в обвинительном заключении, позволяет определить, что на два эти филиала пришлось около 150 винтовок, примерно полтора десятка револьверов и около 175 ружей.

Такого вооружения (547 единиц) [8, л. 251], из которых $\frac{2}{3}$ были простыми охотничьими ружьями, конечно же, было недостаточно для организации восстания, даже с учетом «планов» по довооружению – заговорщики планировали захватывать склады, разоружать воинские подразделения и т.п. Скорее всего, эти планы были рождены в головах следователей, ведших дело.

Пересмотр архивно-следственных дел на участников «Белогвардейского заговора» был проведен в 1956–1958 гг. Определениями Алтайского, Красноярского краевых и Омского областного судов реабилитировано свыше 1 500 чел., арестованных незаконно органами ОГПУ в 1933 г. по делу Болдырева. Большая группа лиц, проходивших по делу, реабилитирована Военным трибуналом СибВО.

В постановлении президиума Алтайского краевого суда от 17 декабря 1957 г. отмечалось, что в «фальсификации следствия по делу „Белогвардейского заговора“» принимали участие специально подобранные следователи, известные как квалифицированные фальсификаторы. По обстоятельствам дела установлено, что В. Е. Большаков, Я. А. Пасынков, Скворцов, Москвитин, Пархоменко, М. Л. Шорр, Носов, Дюженко, Самородов, Н. Г. Нефёдов, Тешков, Длужинский и Лебединов свои действия направляли на необоснованные аресты и фальсификацию дел» [8, л. 453].

Из показаний бывших ответственных сотрудников ОГПУ Западно-Сибирского края Жабрева и

Попова видно, что такой организации в пределах Западной Сибири не существовало, а она была выдумана работниками ОГПУ, а дела на незаконно арестованных советских граждан фальсифицировались. За показатели по разоблачению врагов шло соревнование между секретно-политическим и экономическим отделами ПП ОГПУ по ЗСК [6, с. 481].

В процессе пересмотра дел было установлено, что материалов о реально проводимой антисоветской организационной деятельности не имелось. Имевшиеся в ПП ОГПУ оперативные материалы также не позволяли определить наличие этого. Обвинение построено на признательных показаниях осужденных, не подтвержденных уликовыми материалами, достаточно часто противоречивыми. Многие из участников заговора вообще не были привлечены к ответственности ни по этому делу, ни позднее.

Почти все заключения по архивно-следственным делам по своему содержанию однотипны – во всех констатировались факты нарушения законности, фальсификации материалов следствия, применения незаконных методов следствия и т.п. Следователь следственного отдела УКГБ по Омской области, пересматривавший дело, констатировал многочисленные факты несовпадения дат и фактов в показаниях обвиняемых, допущения исправлений в протоколах допросов без каких-либо пояснений, в том числе и по отдельным фигурантам (вписывали, вычеркивали). В связи с этим один из руководителей Омского филиала бывший полковник белой армии Голышев был сотрудниками разжалован из руководителей, из списков исключен и к ответственности вообще не привлекался.

Из числа ранее арестованных в Омской области были передпрошены 36 чел., все они от своих прежних показаний отказались и привели примеры многочисленных нарушений законности во время следствия со стороны следователей ОГПУ.

В организации следствия по делу «Белогвардейского заговора» сотрудники ПП ОГПУ активно использовали секретных сотрудников ОГПУ, таковых среди участников «заговора» оказалось несколько десятков человек. Так, один из них – Н. С. Лукиных – 10 октября 1956 г. показал, что его «арестовали утром 9 мая 1933 г. На допрос вызвали примерно через две недели. ... Следствию я тогда показания не дал. Вызвавший меня и Гаринова (еще один фигурант по делу. – В. У) следователь Панасенко задал нам один вопрос: „Советские ли мы люди?“ и, получив утвердительный ответ, сказал: „В этом случае пишите мне то, что я вам буду диктовать“. И под его диктовку был составлен протокол допроса.

...Протокол допроса мною подписан в силу следующих причин: во-первых, следователь Панасенко... говорил, что если я советский человек, то

должен писать показания, которые он диктует, во-вторых, я до момента ареста был секретным сотрудником ОГПУ, поэтому был уверен, что меня, если и арестовали, то никогда не осудят, тем более что я сам выполнял задания органов ОГПУ по выявлению контрреволюционно настроенных лиц. В силу этого я подписал протокол и рекомендовал подписать его и Гаринову...» [11, т. 3, с. 36].

И. В. Антипин в декабре 1956 г. показал, что он в 1933 г. подписал протокол после уговоров сотрудника ОГПУ К. К. Пастаногова, что тот сумеет его реабилитировать и освободить. «Когда я отказался писать, Пастаногов „показал мне протокол допроса Ольшаневского, который, как и я, был секретным сотрудником и выполнял секретные поручения Пастаногова, в котором значилось, что Ольшаневский дал показания, что состоит членом к-р организации“». Позднее в камеру к Антипину и Ольшаневскому посадили Рыбьякова и Шалаева, еще двух секретных сотрудников, и «пропустили» через их камеру около 70 арестованных из Тевризского района. Они обрабатывали арестованных, чтобы те подписались и признали себя участниками контрреволюционной организации [11, т. 3, с. 36–37].

Влияние агентуры на арестованных в Омске позволило добиться нужного результата. По подсчетам автора, если по «делу 225» в Томске двое из девяти не признали своей вины, а в Новосибирске и на Алтае – 38 из 137, то в Омской области лишь один из 79 человек.

При пересмотре дел также было отмечено, что показания арестованных о проведении ими вредительских действий не проверялись, свидетели не допрашивались. Справки о якобы вредительской деятельности писались председателями сельских советов обычно под диктовку сотрудников ОГПУ. В заключении приведены факты случаев избияния арестованных следователями во время допросов, но, к сожалению, фамилии этих следователей не были названы.

Таким образом, в процессе пересмотра дела в конце 1950-х гг. была дана правовая оценка только следственного процесса по делу «Белогвардейского заговора». Но даже это позволило вести речь о фальсификации материалов дела. Надо учесть, что следователи, пересматривавшие дело, не владели в полной мере информацией, связанной с массовыми репрессиями в СССР, с господствовавшими политическими установками большевистского ру-

ководства страны на уничтожение «врагов» в те годы, да и не ставили перед собой цели выявления нарушений прав и свобод советских граждан. Проведенный настоящий анализ материалов уголовного дела на основе сопоставления фактов и явлений, отображенных в материалах уголовного дела с учетом знания и понимания механизма репрессий, позволяет утверждать, что дело «Белогвардейского заговора» было полностью от его заведения и до реализации сфальсифицировано сотрудниками ПП ОГПУ по Запсибкраю, став в Сибири одним из крупнейших дел первой половины 1930-х гг. Данное дело стало очередным звеном в цепи уголовных дел, направленных на оправдание допущенных ошибок в руководстве народным хозяйством и страной. Данным уголовным делом удар наносился против «бывших» – офицеров, разного рода чиновников, «спецов» – от промышленности и транспорта до ученых и работников музеев. В очередной раз им было показано их место в социальной системе советского государства.

Нанесенный по проживавшим в Сибири «бывшим» удар, по мнению партийно-советского руководства СССР, должен был отбить у них не только «охоту», но и малейшую возможность проявления какого-либо инакомыслия, заставить «бывших» и дальше жить в тревоге и страхе. С другой стороны, у сотрудников органов ОГПУ были «закреплены» чувства неукоснительного подчинения воле Сталина и фальсификации массовых уголовных дел в угоду его воли.

В качестве завершения разговора о «Белогвардейском заговоре» рассмотрим наличие возможной связи между данным делом и реализованной органами ОГПУ СССР в начале 1930-х гг. оперативной разработкой «Весна», в ходе которой репрессиям подверглись более 3 тыс. бывших офицеров царской и белых армий. Академик А. Н. Яковлев, возглавлявший Комиссию по реабилитации жертв массовых репрессий в СССР, произвольно, без ссылки на какие-либо источники, расширил границы проведения операции «Весна» до г. Новосибирска, назвав число участников – «свыше десяти тысяч», что не соответствует действительности [14, с. 204]. Анализ архивных материалов позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии названного им «расширения границ операции» и вести речь о «заговоре» как о чисто региональной контрреволюционной организации, не имевшей ничего общего с делом операции «Весна».

Список литературы

1. Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х гг. Томск, 1991. Т. 1. 400 с.
2. Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20 – начале 50-х гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
3. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. 271 с.

4. Папков С. А. «Белогвардейский заговор» в Западно-Сибирском крае в начале 1930-х гг. («Дело генерала Болдырева») // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. Вып. 1. С. 379–383.
5. Красильников С. А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 59–62.
6. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО – XXI, 2008. 632 с.
7. Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13.
8. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17.
9. Славнин В. Томск сокровенный. Томск, 1991. 328 с.
10. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, янв. 1922 – дек. 1936. М., 2003. 912 с.
11. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Т. 3. Омск, 2001. 449 с.
12. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2. 1931–1936. Барнаул, 1999. 560 с.
13. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441.
14. Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. 688 с.

Уйманов В. Н., кандидат исторических наук, зам. начальника.

Главное управление МЧС России по Томской области.

Ул. Вершинина, 48/1, Томск, Россия, 634034.

E-mail: uimim@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12.04.2012.

V.N. Ujmanov

PUNITIVE OPERATION AGAINST WHITE EX-OFFICERS IN WESTERN SIBERIA IN 1933

The article covers the analysis of criminal case materials about “solving” the so-called counterrevolutionary organization the “White Guard plot” in 1933. This one of the major criminal cases in the USSR was discovered by authorized representation of OGPU (Joint State Political Directorate) body in Western Siberian Region. The documents analysis report makes possible to conclude the total falsification of this case from the beginning till the end.

Key words: *political repression, “White Guard plot”, Western Siberia.*

The Main Directorate in Tomsk Region of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters.

Ul. Vershinina, 48/1, Tomsk, Russia, 634034.

E-mail: uimim@mail.ru